

«Пушкин
с женой».«Пушкин в Арзамасе.
Базар».

«ЭТО — МОЕ...»

Главная тема Дмитрия Арсенина

По пути в Болдино писателям, ехавшим на традиционные Пушкинские торжества, довелось присутствовать в городе Горьком на открытии очень интересной, предваряющей праздник выставки в Доме-музее Алексея Максимовича Горького. Три зала вместили в себя очарование и поэзию пушкинского края.

В свете юпитеров стоял немногословный, слегка стесняющийся человек с проседью в бороде, и невозможно было предположить, что далеко не пожилой автор этих многочисленных тонких работ, известный горьковский художник Д. Д. Арсенин — ветеран войны. Выходец из муромской деревни Слобода после восьмого класса в 1942 году ушел добровольцем на фронт, учился в знаменитой школе юнг на Соловках.

— Кстати, вместе с Валентином Пикулем, — вспоминает Дмитрий Дмитриевич, — мы и воевали потом в одном дивизионе эскадры Северного флота. Я на эсминце «Громком», а он — на «Грозном». Восемь лет отдал Заполярье, после демобилизации поступил в Горьковское художественное училище, потом закончил институт в Ленинграде и вернулся в город к стареньким родителям. И тут попал впервые в Болдино. Меня комсомольская газета «Ленинская смена» послала сделать изрепортаж...

Болдино навсегда вошло в жизнь и творчество Арсенина, и рядовая командировочная поездка обернулась уверенным путем к самому себе, к тому единственному и единому миру, который ждет своего художника-

творца, чтобы выразиться, стать реальностью и художественной правдой. Акварельные пейзажи, рисунки карандашом передают болдинские виды во все времена года и состояния природы. Но больше всего, конечно, — осени, пустых всхолмленных далей, летящих облаков, гнувшихся под ветром деревьев. Пушкин на нижегородской земле, Наталья Николаевна Гончарова, получавшая отсюда письма поэта, его дети, его герои — портреты одухотворены и дышат нескрываемым восхищением.

— Я в Болдине все тропинки знаю. Наверное, места такого нет, чтобы я его не зарисовал. Да и соседние Кистеневка, Львовка вошли в пейзаж, — возвращается Дмитрий Дмитриевич к своей главной теме. — Сейчас продолжаю Пушкиниану, иллюстрирую сказки, написанные в

Болдине, навеянные песнями и преданиями наших мест. Потом перейду к поэмам. Пушкин столько здесь написал прекрасного, что жизни не хватит объять все это, попытаться как-то выразить свое отношение...

Арсенин оформляет книги Пушкина, о Пушкине, о Болдине. Жаль, что в основном только для местного издательства. Он вообще как бы старается быть в тени, под сенью болдинских старых деревьев. И когда я спросил его о намерениях, о будущих работах, мягко намекнув, не собирается ли, мол, он как-то расширить тематику (к слову, художник прежде много раз обращался к народным промыслам), Дмитрий Дмитриевич намека и принимать не захотел, стал горячо рассказывать, сколько надо успеть сделать к 1987 году, 150-летию со дня гибели поэта,

а потом признался: «Мне вширь и расти не хочется, — показать бы болдинское чудо».

Тут я высказался в том духе, что тамошние края, просторы, окружающие усадьбу, — не самые красивые из тех, что доводилось видеть. Даже в той же Горьковской области.

— Да, они степные, редкие для нашей области — черноземные. Нижегородский север совсем другой, может быть, живописнее для кого-то... Вот еду в Болдино через пять административных районов и тысячу пейзажей — гляжу равнодушно. А доезжаю и в который раз понимаю: это — мое...

Кто искал, сомневался, пытаясь выразить открывшийся мир, тот знает, какое счастье для художника сказать оправданно и убежденно: это — мое!

Александр БОБРОВ

«Пушкин в Нижнем Новгороде.
У обелиска Минину и Пожарскому».

«И забываю мир...»
(Из цикла «Пушкин в Болдине»).